Молот
г. Ростов н/Дону

МИР ШОЛОХОВА

Есть писатели, в чьем представлении мир замкнут стенами их тесного дома, в котором подчас нет даже окон, и потому живущие в кромешной тьме добровольные затворники обращены лишь к самим себе и убеждены в том, что только в них самих, в крайне узких их ощущениях заключена правда жизни, о коей они призваны поведать избранному кругу читателей. Само собою понятно, что произведения подобных затворников никогда не становятся достоянием широкого круга людей.

Иное дело — творчество художника, кровно связанного с народом, с человечеством, с его надеждами, болью и радостью, с неизменным стремлением людей к свободе и счастью. Перед таким художником распахнут весь мир, а созданные им живые человеческие характеры с их сложными судьбами, любовью и ненавистью, жизнью и смертью становятся вечными спутниками людских поколений.

Именно таким предстает перед нами огромный мир, запечатленный в потрясающих по художественной силе и правде творениях Михаила Шолохова. В этом бескрайнем мире дышит сама жизнь, и когда читатель обращается к «Тихому Дону», «Поднятой целине», «Судьбе человека», он мгновенно забывает о том, что в его руках кем-то написанная книга, что надо перелистывать ее страницы, надо вчитываться в напечатанные типографской машиной строки... Он забывает обо всем этом потому, что приобщается к великому таинству самого высокого искусства, которое открывает перед ним сложную, многоликую жизнь с ее счастьем и страданием, с трагическими заблуждениями в мучительных поисках истины, с невозместимыми ее потерями, слезами и горем, с неистовой любовью и радостью бытия...

Как художник Михаил Шолохов начал свой путь в бурную эпоху войн и революций, и это отмеченное беспощадной борьбой добра и зла время наполнило грозовым дыханием все его книги, в которых с жестокой, неподкупной правдой показано отмеченное неимоверными тяготами, пролитой кровью и немеркнувшими надеждами движение народа к будущему.

Нет никакой возможности перечислить всех героев созданных Шолоховым книг. Их множество. Мужчины, женщины и дети. Молодые, пожилые и старые. Красные командиры и красноармейцы. Коммунисты и контрреволюционеры - мятежники. Казаки и «иногородние». Кулаки и полунищие бедняки. Русские и иностранцы. Они все — от давно известных сотням миллионов главных героев Шолохова до самых, казалось бы, неприметных эпизодических лиц, — все до единого живые люди со своим характером, своими особенностями, и потому каждый из них, даже на мгновение промелькнувший на какой-либо странице прохожий, запоминается, хранится в памяти неповторимым своим обликом, фигурой, речью.

Самым же основным, самым главным героем «Тихого Дона», «Поднятой целины», романа «Они сражались за Родину» является народ, и это придает всем творениям Шолохова философскую глубину, всеохватывающий эпический размах, безграничную ширь, где на огромном пространстве борются, умирают, терпят поражение и побеждают неисчислимые массы людей.

Шолохова-художника всегда влекло к себе время «торжеств и бед народных». Поэтому, начиная с самых ранних юношеских рассказов, во всех произведениях писателя действуют участники великих событий, определяющих в конечном счете судьбы страны, и независимо от того, занимают ли они позиции, враждебные движению времени и ходу истории, или самоотверженно, не щадя себя, сражаются за будущее, — ни один из них не отделен от борьбы и по закону жизни не может отстраниться, уйти от нее.

Именно эта широта художнического охвата острых и важных событий, редкое умение проникнуть в глубинную суть человеческих чувств, твердое стремление **во всем следовать правде и только правде**, удивительное, прямо-таки колдовское владение языком родного народа привлекают к творениям Михаила Шолохова читателей всего мира, всей планеты, ибо трудно сейчас назвать даже самую отдаленную, самую малую, затерянную где-нибудь в джунглях страну, куда не дошли бы книги писателя, которым по праву гордится и которого любит советский народ.

Безмежный мир Шолохова населен не только живыми, сильными, счастливыми и несчастными людьми, — в нем живет и дышит земля с ее травами, деревьями, птицами и зверями, с солнцем и облаками, туманами и снегом, с дождями и грозами, со всеми ее цветами и запахами, — ослепительно прекрасный, подчиненный своим, независимым от людей законам, необъятный мир матери-природы, начиная от неприметной былинки, нахохленного воробья под стрехой и кончая мышкующей лисой, загнанным волком, могучим красавцем-беркутом, царственно восседающим на вершине степного кургана.

Поистине надо обладать невиданно острым зрением, чуткой, любящей все живое душой, чтобы ничто на земле не было оставлено без внимания и нашло в художнике горячий, взволнованный отзыв...

Когда снова и снова обращаешься к творениям Шолохова, с каждым таким обращением начинаешь постигать их высоту и силу, невольно приходишь к мысли о том, что в определенную пору гениальный зиждитель-народ в самых своих сокровенных недрах порождает певца, который призван исполнить все, что возложено на него историей и народной судьбой.

Вот, видимо, и случилось так, что в положенный временем час из малого куреньга на безвестном хуторе Донщины вышел и отправился в трудный путь юноша, который шел по горячей от пожаров и крови земле, тревожно и пытливо всматриваясь во все, что его окружало. Потом юноша стал мудрым, зорким художником, познавшим самые потаенные глубины человеческой жизни, взошел на вершину горы, откуда, охваченный жалостью и состраданием, любовью и верой в человека и во все сущее, дерзнул во имя добра запечатлеть и показать людям растревоженный, отмеченный множеством смертей и горя мир, в котором сквозь грозовые тучи и молнии за могилами и морями пролитых слез сумел рассмотреть впереди свет солнца, молодую поросль зеленого леса, цветущую землю и грядущее возвышение человека.

Мы приходим в мир Михаила Шолохова, и каждый из нас, пребывая в нем, обязательно становится добрее, чище и лучше.

Виталий ЗАКРУТКИН.

На снимке: Михаил Александрович Шолохов.

Фото В. Чумакова.

КРАТКОЕ СЛОВО О БОЛЬШОМ

Мы, современники Михаила Александровича Шолохова, счастливы уже тем, что с нами с первыми писатель поделился богатством творческого интеллекта, глубиной любви к народу, к его слову, песенному наследству...

В знаменательные для советской культуры дни хочу сказать несколько слов о романе «Тихий Дон» и прежде всего потому, что с этим гениальным произведением я находился в читательско-творческом контакте долгие пятьдесят лет!

В последние годы властная художественная сила страниц «Тихого Дона» стала для меня не только источником познания, но и творческого вдохновения. Еще только приступая к работе, я без колебаний дал имя своим очерковым новеллам — «Раздумья над страницами «Тихого Дона». В этом названии нет претензий на итоговое слово о великом произведении, нет заявки на то, чтобы объять необъятное. Ведь «Тихий Дон» и в самом деле — людское море, взволнованное могучими ветрами Октября!

«Тихий Дон» — живая художественная летопись о революции, о людях того времени, об участниках гражданских сражений и просто о современниках, на психологию которых волны революции положили отпечаток, пробудили в них мысли о том, о чем они никогда не задумывались.

М. Шолохов в своем романе отразил не только типические события и героев этих событий, но и раскрыл сложность людских душевных устремлений... И все это он осветил волшебным фонарем своего неповторимого таланта. И люди, его герои, сошедшие с дороги жизни больше чем полстолетия назад, на страницах романа обрели яркую художественную жизнь, обрели бессмертие!

Нет сомнения, чуткий читатель на определенных страницах романа услышит страстный голос коммуниста Ильи Бунчука:

— Оружия не сдадим!

Минутами позже окровавленного Илью Бунчука белые каратели толкают к яме-могиле. Блюдя свой «порядок», каратели спрашивают у него: «Имя?.. Фамилия?..» У Бунчука осталось единственное средство возвысить себя, пренебречь «порядками» лютого врага — не ответить на его вопросы. И он не отвечает и падает в могилу как безымянный.

Угадываешь, что на лице читателя, как и на сердце, суровая печаль. Труднее угадать, какими словами он ее выразит. Немногими. Должно быть, похожими вот на эти:

«Илья Бунчук, вот ты — ЧЕЛОВЕК... Тебя нельзя забыть...».

Волшебный шолоховский фонарь, осветив последние минуты жизни коммуниста Ивана Александровича Котлярова, не оставит читателя равнодушным к его человеческому достоинству. Взятый в плен белоказаками, избитый до неузнаваемости, подгоняемый ударами, он чувствует, что скоро сделает последний шаг... жизнь оборвется. Но он тревожится не о спасении своей жизни. Его и всех пленных подгоняют к родному хутору Татарскому. А в хуторе его дети. Он пугается при мысли, что может встретиться с ними таким обезображенным и униженным.

...Ильинична — образ женщины-матери, образ женщины - труженицы. Даже самый пространный схематический разговор о ней не даст хотя бы отдаленного представления о том, какие душевные невзгоды она перенесла, преодолевая дорогое, привычное, на пути к новому, что приходило вместе с революцией. Под пером Шолохова путь Ильиничны стал восхождением на ту высоту, где отведено место матерям, созданным великими художниками слова и кисти.

Читатель, задумавшийся о последних днях Ильиничны, имеет право сказать:

— Могла же превозмочь... Поклон ей по заслугам.

Писатель М. Шолохов очень строг к себе, если творческий процесс поставил его перед задачей судить в целом о человеке. Он не спешит повесить на него ярлык. Он испытывает его при разных жизненных обстоятельствах, взвешивает все «за» и «против» и рад бывает, если находит прочную опору, чтобы провозгласить: а ведь он или она — люди стоящие!

Бывает, что писатель вынужден судить о человеке, когда этот человек уже стал на ту полоску, что отделяет жизнь от смерти. И как раз именно в это время писатель открывает в нем большие душевные качества. И тогда в строках писателя звучат строгая грусть и сдержанное сожаление, но никогда не обнаружишь в них сентиментальной ржавчины... Дарья Мелехова — живое подтверждение этому. Осудив себя на вольные и невольные ошибки, она увидела настоящую красоту в окружающем мире, поняла, какие цели и дела могут возвысить человека, а какие — осквернить. И хотя осквернена она была другим, но посчитала, что идти по новой жизненной дороге у нее нет права, что она не станет осквернять ее.

...На страницах «Тихого Дона» уверенный след оставляет особое отношение писателя к простым людям, к людям труда. Он верит в их правдивость, в их неподдельную откровенность, ценит их скромность, любит их речь и песни... И что самое главное — он убежден, что в глубинах их сердец хранятся те сокровища, которых хватит в конце концов на преодоление любых трудностей в поисках правды. Вся крестьянско-казачья семья Мелеховых была трудовой семьей. И хотя она трудилась в интересах своего двора, но в то же время труд считали в этой семье высоким моральным назначением. Именно с этих позиций они смотрели на тех, кто пользуется благами чужого труда, как на паразитов, а отлынивающих от труда по лености называли с презрением бездельниками, нерадивыми... Взгляд семьи Мелеховых на труд, как на душевную потребность, укрепляющую в человеке человеческое, и был тем прочным мостком, по которому они с колебаниями и опасениями шли к новому понятию о жизни, о назначении человека. Терниста была дорога к этому мостку у Пантелея Прокофьевича. Проходил он ее порывисто. Нагрешив против совести, он вдруг вырастал духовно, становясь неузнаваемо большим. Вспомним, как он морально падшему злодею Митьке Коршунову преградил путь во двор, заявив, что Мелеховы никогда не были душегубами и знаться с ними не хотят.

Вспомним другое. Наступают красные. Они скоро будут в хуторе Татарском. Вечером в доме Мелеховых после жарких споров решили, что мужчинам отступать, а женщинам оставаться на хозяйстве. А рано утром Пантелей Прокофьевич вышел готовить сани в дорогу. Зашел в амбар: «долго стоял, сунув руку в набитый пшеницей... закром... Вышел будто от покойника».

Неверно думать, что только материальная ценность пшеницы сокрушила его сердце. Рушилось привычно трудовое. Ведь зима скоро кончится. Придет весна со своими горячими требованиями к хлебопашцу. Потом придет лето, и горячих, трудовых забот не уменьшится, а прибавится... А где он, Пантелей Прокофьевич, будет в это время?.. Да кто он будет такой?.. Неприкаянный бездельник?

Он возвращается в дом. А там без него решили, что все остаются дома, никто не будет «отступать»... В доме возбужденное веселье. И тогда Пантелей Прокофьевич подошел к переднему углу... положил три поклона, встал с колен, оглядел всех:

— Ну, коли так — останемся! Укрой и оборони нас, царица небесная!»

Он знал теперь, что остается на своем трудовом посту. И не нужно ему было учиться, как и когда готовиться к весне, к лету.

Особо хочу заметить, как силен бывает автор «Тихого Дона» даже в том, что он сообщает читателю как будто вскользь, как будто говорит о том, что только сопутствует главному. Читать «Тихий Дон» без сосредоточенного внимания — значит обеднить свое представление о художественной глубине этого произведения... Вспомним хутор Татарский. Красноармейцы с пулеметом «идут в заставу к Дону... Двое из них везут на фурманке овес, а двое вместе с чахоточной жененкой Чугуна несли ножную машинку и мешок с мукой».

По праву председателя хуторского ревкома Кошевой строго поинтересовался, что это они...

«— А это мы женщину бедняцкого класса на хозяйство ставим: несем ей буржуйскую машину и муку, — бойко скороговоркой ответил один из красноармейцев».

Ответ красноармейца удивительно прост и краток и точно выражает высокие гуманные цели революции. Кошевой оказался духовно бедным, чтобы понять их: в этот день он поджег дома купцов, попов... и зажиточных казаков, отступивших с белыми за Донец.

Злостных врагов революции из белоказачьего офицерства автор «Тихого Дона» показывает с предельной обнаженностью. Перед читателем встают живые подлецы, про которых в народе говорят: «И как их земля на себе держит?!»

Остановимся на тех страницах романа, где описываются издевательства над пленными красными музыкантами. «Дебелый есаул» ведет с ними разговор:

«— ...Давайте-ка «Боже царя храни».

— Из нас никто не знает старого гимна... У нас все тут молодые.

— «Интернационал», надеюсь, исполните? Давайте-ка? Да не бойтесь! Давайте, раз приказываю.

И в наступившей тишине, в полуденном зное, словно зовя на бой, вдруг согласно и величаво загремели трубные негодующие звуки «Интернационала».

Есаул стоял, как бык перед препятствием, наклонив голову, расставив ноги... Мускулистая шея его и синеватые белки прищуренных глаз наливались кровью.

— Отставить!.. — яростно заорал он.

Оркестр разом умолк, лишь валторна запоздала, и надолго повис в раскаленном воздухе ее страстный незаконченный призыв».

И как же не задуматься читателю над могучим воздействием шолоховского слова, если оно так показало нам людей, с величавым достоинством принимающих вызов врага перед смертью, и как велико их единодушие. Оркестр в каждой ноте утверждает эту истину.

Не могу не сказать, что, читая «Тихий Дон», я не раз убеждался, что революционный реализм Шолохова и в мыслях и в побуждениях человеческих чувств достоин долгой памяти ЗЕМЛИ и памяти людей, украшающих ЗЕМЛЮ.

Надо было бы сказать о живописных и музыкальных ценностях романа. Но отписаться несколькими строками — значит бросить тень на то прекрасное, которым обогащены страницы романа. Считаю нужным повторить, что «Тихий Дон» сравним с людским морем, взволнованным могучими ВЕТРАМИ ОКТЯБРЯ!

Не раз спрашивали: чему меня, читателя, учит автор «Тихого Дона»?

Отвечаю:

Масштабности взгляда на жизнь.

Ценить людей по их человеческим достоинствам.

В поисках правды терпеливо изучать мнение народа.

Твердо помнить, что без связи с народным творчеством, с языком народа не создать настоящего художественного произведения.

Быть терпеливым в труде.

Не грешить перед совестью.

За все за это я выражаю автору «Тихого Дона» мою душевную признательность.

М. НИКУЛИН.

ГОВОРЯТ ЧИТАТЕЛИ

КРУТЫМИ ТРОПАМИ

Не о личной славе и собственном благополучии заботились в своей борьбе за новую жизнь герои произведений М. А. Шолохова. Идти на лишения их заставляло другое — свет ленинских идей, любовь к Родине, поиск путей к всеобщему счастью. И какими бы сложными и крутыми ни были эти дороги, они обязательно приводят к победе добра над злом, светлого над мраком.

Взять хотя бы погибших и оставшихся в живых советских солдат и командиров из книги Михаила Александровича Шолохова «Они сражались за Родину». Созданные замечательным писателем образы волнуют прежде всего своим жизнелюбием и в то же время непримиримостью к врагам Отечества, иноземным захватчикам. Кого из них ни возьми, каждый был готов приобщиться к мирным дням, не медля ни минуты, любой мог тут же, не задумываясь, пожертвовать собой ради победы.

Таких людей я встречал каждый день во время Великой Отечественной войны, прошагав по ее дорогам от родного хутора Крутинского у тихой Калитвы до Сталинграда и обратно до фашистского логова. Рядом с такими и воевать было веселее, и легче переносить раны, тяжелые утраты боевых друзей.

С такими людьми, ненасытными в работе, неутомимыми на выдумку, ежедневно совершающими трудовой подвиг, я встречаюсь и сегодня на полях и фермах колхоза «60 лет Октября». И пока они будут в нашем строю, Советской Отчизне не страшна никакая беда.

А. РУБАШКИН.
Кавалер ордена Славы трех степеней, колхозник колхоза «60 лет Октября» Белокалитвинского района.

КНИГА—БОЕЦ

В мае 1941-го нас, курсантов военно-политического училища, аттестовали, присвоив звание—младший политрук. На церемонии наши шефы — молодые рабочие — вручали каждому выпускнику училища подарок. Мне достался томик М. А. Шолохова «Поднятая целина». Книга прошла со мной всю войну, вместе со мною и подчиненными бойцами сражалась с фашизмом.

Вот некоторые детали. На Западном фронте в октябре 1941-го наша часть после жестоких боев оказалась в районе Вязьмы во вражеском окружении. Помню, как хлестал, не переставая, холодный дождь. Мокро сверху и снизу. Настроение препаршивое. Вспомнив, что в полевой сумке «Поднятая целина», начал читать. Сам. Затем вслух двум бойцам. А голова от контузии раскалывалась. Не читал, а хрипел сорвавшимся голосом. Под ель подошел еще один, другой, третий боец. Вскоре собралась плотная группа. Все внимательно слушали, время от времени оживлялись. Все вроде бы оттаяли, глаза заблестели у бойцов, люди заулыбались. Настроение поднялось. А через час опять бой, атака, и вражеское окружение прорвано.

В боях за город Гжатск (ныне г. Гагарин) моя полевая сумка, а с нею и книга «Поднятая целина» были рваны — пробиты осколком. Оказался и я в госпитале. Там склеил листочки книги, и она продолжала служить, воевать. В январе 1945 года, когда я был уже танкистом, в боях под городом Инстенбургом в Восточной Пруссии моя подбитая машина сгорела. Вместе с нею, как герой, как отважный боец, сгорел и томик «Поднятой целины».

Н. ПАСТУХОВ.
Участник Великой Отечественной войны, майор в отставке, директор новочеркасской средней школы № 8.

ЭХО ГРЕМЯЧЕГО ЛОГА

Как сейчас, помню этот шумный митинг в центре Шаблиевки. Выступали все — комбедчики и сынки кулаков, активисты местной партячейки и матерые враги зарождающегося колхозного строя. До хрипоты мы доказывали владельцам скота, что колхозу нечем боронить и сеять, нет тягла, что вся надежда на их скотину.

Положение, как всегда, спас П. И. Ушаков — питерский рабочий, присланный к нам в числе двадцатипятитысячников для подъема сельского хозяйства. Взволнованным, но уверенным голосом рассказал он, как трудно России, вышедшей из войны и революции, как голодающие рабочие отдают свои сбережения для восстановления заводов и фабрик, которые будут производить машины для села.

На следующий день мы запрягли в плуги и бороны около 120 индивидуальных коров. Колхозная пашня была вовремя обработана и засеяна.

Читаю я «Поднятую целину» М. А. Шолохова и думаю, а не положены ли автором в основу событий, разворачивающихся в Гремячем Логе, те, что происходили в нашей Шаблиевке? Какими же поистине неохватным талантом и прозорливостью нужно было обладать писателю, чтобы в небольшом казачьем хуторке разглядеть глубинную правду жизни не только многострадального Дона, но и всей крестьянской России!

И. ШАБЛИЙ.
Персональный пенсионер республиканского значения.
г. Сальск.